

DOI 10.35775/PSI.2025.121.9.029

УДК 327

К.А. ЛАРИОНОВА

аспирант кафедры Политология

Дипломатической академии Министерства иностранных дел

Российской Федерации; координатор проекта,

АО «Росатом энергетические проекты»,

Россия, г. Москва

E-mail: kamik909@mail.ru

SPIN-код: 7435-7115

ORCID ID 0009-0003-5614-8215

НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ:

Р.Н. ШАНГАРАЕВ

доктор политических наук, кандидат экономических наук,

доцент, доцент кафедры стратегических коммуникаций и государственного

управления Дипломатической академии Министерства иностранных дел

Российской Федерации; главный редактор журнала

«Вестник ученых-международников»,

Россия, г. Москва

ПЕРСПЕКТИВЫ РАСШИРЕНИЯ ВЛИЯНИЯ РОССИИ НА БЛИЖНЕВОСТОЧНОМ НАПРАВЛЕНИИ В ЭНЕРГЕТИЧЕСКОМ СЕКТОРЕ

На фоне трансформации мировой энергетической архитектуры Ближний Восток приобретает особую значимость как узловая точка пересечения интересов глобальных и региональных акторов. В условиях растущей конкуренции за доступ к углеводородным ресурсам Российская Федерация стремится реализовать стратегию энергетической дипломатии, ориентированную на технологическое сотрудничество, логистическую интеграцию и политическую гибкость. Эффективное использование российской научно-производственной базы и формирование устойчивых партнерств с такими государствами, как Иран и Саудовская Аравия, позволяет Москве укреплять свои позиции на энергетической карте региона. Исследование раскрывает многоуровневые форматы взаимодействия, включая участие в ОПЕС+, развитие инфраструктурных коридоров и формирование консорциумов. Особое внимание уделяется вызовам, связанным с санкционными ограничениями, конкуренцией со стороны США и Китая, а также необходимостью институциональной адаптации к быстро меняющемуся региональному контексту. Устойчивое присутствие России в ближневосточной энергетике рассматривается как важнейший элемент ее долгосрочной внешнеэкономической стратегии.

Ключевые слова: энергетическая дипломатия, Ближний Восток, Россия, энергетическая безопасность, геополитика, Иран, ОПЕС+.

Введение. Ближневосточный регион, издавна ассоциируемый с высокой повышенной напряженностью и нестабильностью, на фоне трансформации глобального баланса сил приобретает новое стратегическое измерение. Обладание значительными запасами углеводородов превращает энергетику этого макро-региона в ключевой ресурс влияния, вокруг которого выстраиваются сложные политико-экономические конфигурации. Пространство Ближнего Востока сегодня служит полем активного соперничества между ведущими мировыми державами, каждая из которых стремится утвердить свое присутствие и защитить собственные энергетические интересы. Российская Федерация, обладая обширным технологическим и логистическим потенциалом в ТЭК, продвигает собственную повестку, претендуя на устойчивое и конструктивное участие в энергетической архитектуре региона.

Сокращение американского военного контингента на Ближнем Востоке спровоцировало определенную стратегическую пустоту, чем воспользовалась Москва для активизации собственной внешнеполитической линии. Российская международная стратегия в регионе строится на принципах автономности, гибкости и комплексного подхода, при этом центральное место в ней занимает энергетическая составляющая. Приоритетное внимание уделяется выстраиванию устойчивых форм сотрудничества с акцентом на долгосрочные интересы, исключающие конфронтационные сценарии.

Россия делает акцент на инструменте энергетической дипломатии, встраивая его в общий вектор мирного взаимодействия и технологической интеграции. Такое позиционирование позволяет минимизировать конфликты интересов и адаптироваться к региональным особенностям. Эффективная реализация энергетических инициатив в условиях нарастающей глобальной взаимозависимости открывает перед Россией возможности усиления регионального влияния. Вектор на интеграцию через энергетическое взаимодействие дополняется участием в различных форматах сотрудничества, включая межгосударственные консорциумы и многосторонние проекты.

Отношения между Россией и Ираном иллюстрируют эволюцию от конкуренции к согласованной модели взаимодействия. Общность внешнеполитических вызовов и интересов в сфере энергетики создает предпосылки для формирования устойчивого стратегического партнерства, способного трансформировать энергетическое пространство региона в сторону большей предсказуемости и взаимной выгоды.

Энергетический потенциал Ближнего Востока: возможности для внешнего присутствия. Регион Ближнего Востока, особенно его ключевые страны Персидского залива, сохраняет за собой статус одного из крупнейших мировых центров концентрации углеводородных ресурсов. По статистике, актуальной на 2022 год, на этот макрорегион приходится почти половина всех мировых доказанных запасов нефти, а доля запасов природного газа превышает 40 процентов [7. С. 862]. Такая концентрация энергетических ресурсов обеспечивает странам региона весомое влияние на глобальные процессы в энергетической

сфере и придает дополнительное значение с точки зрения геоэкономики. Энергетическая инфраструктура Ближнего Востока отличается высоким уровнем развития: страны располагают множеством нефтепроводов, экспортных терминалов и морских портов. Это создает устойчивые логистические цепочки, связывающие регион как с Азиатско-Тихоокеанским направлением, так и с европейскими потребителями [5. С. 44]. Особую роль в глобальной энергетической системе играют такие стратегические транспортные маршруты, как Суэцкий канал и Ормузский пролив, обеспечивающие стабильность энергетического снабжения для широкой группы стран.

Среди государств, обладающих максимальным ресурсным и инфраструктурным потенциалом, следует выделить Саудовскую Аравию, Ирак, Иран, ОАЭ и Катар. Их возможности по адаптации к рыночным изменениям, включая регулирование объемов экспорта, позволяют этим странам формировать гибкую стратегию поведения на рынке [28. С. 42]. Это делает их крайне привлекательными для внешних партнеров, включая как развивающиеся, так и индустриально развитые государства. Несмотря на нарастающий интерес к возобновляемым источникам энергии, ископаемое топливо – прежде всего нефть и газ – по-прежнему остается основой мировой энергетики. В этом контексте Ближний Восток сохраняет статус ключевого поставщика, от которого во многом зависит энергетическая стабильность и безопасность в мире [21. С. 223]. Его значимость особенно возрастает в условиях нестабильности на других направлениях поставок.

Глобальные державы, включая страны Европейского союза, США, Китай и Российскую Федерацию, активизируют усилия по закреплению своего присутствия в регионе. Это выражается в расширении дипломатических контактов, увеличении объема инвестиционных соглашений и создании альянсов в сфере энергетики [8. С. 31]. Конкуренция за доступ к энергетическим активам региона усиливается, что придает ближневосточному направлению все более выраженные черты геополитической арены. Российская Федерация, располагающая широкой научно-производственной базой в области нефтегазодобычи и развитой системой транспортировки ресурсов, обладает возможностью предложить странам региона высокотехнологичное партнерство [14. С. 71]. Такой формат взаимодействия особенно актуален на фоне стремления ближневосточных государств к расширению числа внешнеэкономических партнеров, способных обеспечить не только инвестиции, но и передачу технологий.

Ярким примером может служить российско-иранское энергетическое сотрудничество. Учитывая близость стратегических интересов, внешнеполитическое давление со стороны Запада и наличие технологической совместимости, проекты между двумя странами в нефтедобыче и переработке приобретают стабильный и взаимовыгодный характер [11. С. 555]. Эти инициативы формируют прочную платформу для углубления энергетического взаимодействия на двустороннем уровне. На фоне санкционной политики, проводимой западными странами, государства Ближнего Востока проявляют возрастающий интерес к диверсификации партнерских связей в ТЭК [20. С. 190]. Это открывает перед Россией

новые окна возможностей: страны региона рассматривают ее как технологически оснащенного и геополитически самостоятельного игрока, способного предложить альтернативу традиционным партнерам.

Нефтегазовый экспорт остается важнейшим источником бюджетных доходов для большинства ближневосточных экономик. Такая зависимость от глобальной конъюнктуры подталкивает государства региона к выстраиванию устойчивых внешнеэкономических отношений, в которых роль России может постепенно возрастать. С учетом происходящих трансформаций в международной энергетической архитектуре акцент на взаимодействие с государствами Ближнего Востока становится одним из приоритетных в российской внешнеэкономической политике. Энергетическая дипломатия Российской Федерации демонстрирует стремление к наращиванию присутствия в регионе – от поставок ресурсов до реализации технологических проектов и создания совместных предприятий.

Международная конкуренция в ближневосточном энергетическом пространстве. На протяжении последних десятилетий внешнеполитическая стратегия США сохраняет курс на глобальное лидерство, одним из ключевых инструментов которого выступает контроль за источниками и маршрутами поставок энергоресурсов. Ближний Восток, обладающий крупнейшими в мире запасами нефти и газа, рассматривается Вашингтоном как стратегическая точка опоры для реализации его энергетических интересов [3. С. 6]. Военно-политическое присутствие Соединенных Штатов в этом регионе имеет устойчивый характер и служит опорой силового давления, направленного как на сдерживание конкурентов, так и на обеспечение доступа к энергетической инфраструктуре. Примером подобной политики стала интервенция в Ирак в 2003 году, которая имела не только военный, но и геоэнергетический подтекст, связанный с установлением контроля над углеводородными ресурсами и транспортными путями региона [6. С. 60].

Европейский союз последовательно развивает политику по снижению зависимости от нестабильных поставщиков энергоносителей, что объясняет его интерес к сотрудничеству со странами Ближнего Востока. ЕС участвует в проектах, направленных на транспортировку ближневосточной нефти и газа, предпочитая маршруты, не проходящие через конфликтные зоны [3. С. 9]. При этом структура энергетического импорта Евросоюза делает его в большей степени зависимым от российских и североафриканских источников. Брюссель выстраивает отношения с ближневосточными государствами преимущественно на основе экспортируемых стандартов правового регулирования, экологических требований и принципов устойчивого развития [6. С. 63]. Акцент делается на содействие реформам и институциональной перестройке, особенно в странах, прошедших через конфликты, таких как Ирак или Ливан.

Народная Республика Китай применяет в регионе концепцию экономического проникновения, базирующуюся на инвестициях в инфраструктуру, энергетические проекты и логистику. Подобный подход позволяет Пекину не вовлекаться в острые политические конфликты, одновременно формируя прочную

экономическую зависимость партнеров [3. С. 10]. Китайское участие в проектах нефтедобычи и переработки в Иране и Ираке стало важным элементом усиления его энергетической безопасности. Эти действия органично интегрированы в реализацию глобальной инициативы «Один пояс – один путь», предусматривающей создание новых транспортных и энергетических коридоров между Азией, Ближним Востоком и Европой [6. С. 68]. Партнерство с ближневосточными государствами позволяет КНР укреплять свои позиции в регионе без открытого противостояния с США и другими игроками.

Москва выстраивает отношения с ближневосточными государствами с учетом принципа взаимной выгоды, предлагая не только энергетическое сотрудничество, но и координацию действий в рамках многосторонних форматов. Российская стратегия ориентирована на реализацию крупных проектов в нефтегазовом секторе, участие в военно-техническом взаимодействии и развитие транспортной инфраструктуры [25. С. 191]. В условиях внешнеэкономического давления ключевым направлением становится сближение с Ираном, Сирией и странами Персидского залива. Взаимодействие в рамках ОПЕК+ укрепляет координацию экспортной политики, а инвестиционные инициативы направлены на формирование устойчивых энергетических альянсов [29. С. 107]. Россия успешно сочетает дипломатические, технологические и экономические инструменты, формируя многоуровневое присутствие в регионе.

Турция стремится превратить собственную территорию в энергетический узел, соединяющий Восток и Запад. Геостратегическое положение позволяет ей продвигать проекты транспортировки нефти и газа из Каспийского региона, Центральной Азии и Ближнего Востока в Европу. В этой связи Анкара активно взаимодействует с Ираном, Азербайджаном, странами Залива и Российской Федерацией. Конфигурация энергетических интересов Турции неизбежно пересекается с планами других крупных держав, что делает ее одним из наиболее активных региональных игроков [10. С. 121]. Саудовская Аравия, в свою очередь, продолжает курс на укрепление позиций как глобального экспортера нефти. Эр-Рияд вкладывает средства в расширение перерабатывающих мощностей и логистических объектов за пределами региона, включая азиатские и африканские направления, что позволяет ему сократить риски, связанные с зависимостью от западных рынков [29. С. 107].

На фоне растущей напряженности в отношениях между ведущими мировыми державами Ближний Восток превращается в пространство соперничества, где энергетическая составляющая выходит на первый план. Соперничество между США, Россией и Китаем дополняется активными действиями региональных держав, каждая из которых стремится извлечь выгоду из нестабильного баланса сил. Государства региона все чаще прибегают к стратегии гибкого маневрирования, выстраивая многоуровневые отношения с различными глобальными центрами силы. Конкуренция принимает форму комплексного взаимодействия, в котором политические, энергетические, экономические и военные факторы переплетены и взаимозависимы. Это создает нестабильную, но динамичную конфигурацию,

в которой каждая сторона вынуждена адаптировать свои действия к постоянно меняющемуся региональному контексту.

Возможности и ограничения для России в энергетической политике на Ближнем Востоке. Энергетический потенциал служит для России важным рычагом влияния в ближневосточном регионе. На фоне санкционной изоляции и сокращения экономических контактов с Западом Москва делает ставку на энергетическую дипломатию как на приоритетное средство расширения международного влияния [19. С. 148]. Подход, основанный на вовлечении в переговорные процессы по энергетическим вопросам, особенно заметен в рамках таких площадок, как астанинский и сочинский форматы. Участие в них формирует образ России как посредника, ориентированного на конструктивное разрешение противоречий [2. С. 22]. Эта политика создает благоприятные условия для выхода к механизмам межгосударственного согласования энергетических интересов, в том числе касающихся инфраструктурных и логистических проектов.

Военно-политическое вмешательство России в конфликт в Сирии стало важным катализатором ее усиления на энергетическом направлении. Воздействие этой операции на региональное восприятие Москвы оказалось масштабным: Россия закрепилась в статусе актора, способного оказывать влияние не только силовыми средствами, но и в качестве организатора новых энергетических маршрутов [24. С. 32]. В тандеме с Ираном Сирия воспринимается как удобный пункт опоры для продвижения инфраструктурных интересов, особенно в части транзита энергоресурсов в Восточное Средиземноморье [16. С. 90]. Овладение критическими транспортными узлами в послевоенной Сирии дает России доступ к альтернативным каналам энергетической логистики, усиливая ее позиции в энергетической архитектуре региона.

Совпадение стратегических вызовов, с которыми сталкиваются Москва и Тегеран в условиях западного давления, формирует благоприятную почву для энергетического сближения двух стран. Противостояние санкционной политике и изоляции выдвигает на первый план вопрос координации действий в энергетической сфере, где обе стороны объективно обладают сопоставимым потенциалом [12. С. 113]. Несмотря на существующую конкуренцию, обусловленную экспортной направленностью энергетических стратегий и борьбой за логистические маршруты, между Россией и Ираном существует значительный резерв взаимодействия [30. С. 130, 131]. Эти государства могут использовать региональную конкуренцию стран-потребителей в качестве стимула для выстраивания комплексных энергетических альянсов с опорой на долгосрочные интересы.

Сдвиги в политике Саудовской Аравии, наметившиеся после ухудшения ее отношений с США в 2022 году, открыли для Москвы важное окно возможностей. Российско-саудовские соглашения в области добычи нефти и регулирования объемов поставок придали этому партнерству системный характер [4. С. 77]. Расширение энергетического диалога с Эр-Риядом, а также с ОАЭ и Ираном, позволяет России компенсировать потерю части западных рынков за счет перенаправления экспортных потоков на Юг [9. С. 14]. Стратегическая координация

с крупными акторами энергетического рынка Ближнего Востока делает возможным участие России в картелях и соглашениях, формирующих глобальные параметры ценообразования и контроля над добычей.

Давление внешнеэкономических санкций, сложная макроэкономическая обстановка, недостаточный уровень технической оснащенности и ограниченный доступ к зарубежным инвестициям значительно снижают возможности России по долгосрочному закреплению в регионе. Геополитическая нестабильность, характерная для ряда ближневосточных стран, делает реализацию масштабных энергетических проектов затруднительной, а иногда и рискованной [2. С. 20]. Конкуренция со стороны США, обладающих устойчивыми позициями в Саудовской Аравии и Ираке, а также активная энергетическая экспансия Китая усиливают сложность формирования устойчивых коалиций вокруг российских энергетических интересов [19. С. 149]. Несмотря на попытки наладить диалог с Турцией и Ираном, институциональные барьеры и отсутствие единой логистической стратегии остаются проблемой.

Российский подход к взаимодействию с ближневосточными государствами отличается отказом от принуждения и политических условий, что создает предпосылки для гибкой адаптации к локальным особенностям. В отличие от западных стратегий, основанных на ценностной экспансии, российская энергетическая модель базируется на прагматизме и равноправии. Эта установка делает Россию привлекательной для стран, предпочитающих балансировать между глобальными центрами силы. Отсутствие идеологических требований к внутренней политике партнеров позволяет выстраивать форматы сотрудничества, ориентированные исключительно на взаимную экономическую выгоду. Такая политика укрепляет образ России как предсказуемого и неинтервенционистского участника ближневосточной энергетики. В таблице 1 отображены ключевые стратегические перспективы расширения энергетического влияния России.

Таблица 1. Стратегические перспективы расширения энергетического влияния России

№ п/п	Стратегический вектор	Возможности для России	Ограничения / риски	Ключевые акторы
1.	Создание газового хаба в Турции («Турецкий поток», «Голубой поток»)	сохранение позиций на юге ЕС; обход украинского транзита; гибкое управление потоками «по требованию»	ограниченная суммарная мощность против утраты «Северных потоков»; недоверие Брюсселя к долгосрочным договорам; сложность нарастить объемы СПГ	РФ, Турция, ЕС

№ п/п	Стратегический вектор	Возможности для России	Ограничения / риски	Ключевые акторы
2.	Многоуровневое партнерство с Ираном (добыча, свопы, ОПЕС+, «Север-Юг»)	совместный контроль крупных запасов углеводородов; единый фронт против санкций; выход к портам Индийского океана	санкционная нагрузка на обе страны; дублирование интересов на общих рынках; техническая разница инфраструктур	РФ, Иран, США, ЕС, MENA
3.	Коалиция с Саудовской Аравией в ОПЕС+	согласованное регулирование добычи и цен; продвижение расчетов вне доллара; политический диалог за пределами западных площадок	давление США (инициатива NOPEC); ценовая волатильность; конкуренция за азиатский рынок	РФ, Саудовская Аравия, США
4.	Евразийские транзитные коридоры («Зангезурский», «Средний», МТК «Север-Юг», каспийские маршруты)	подключение к потокам Китай ↔ Европа и Индия ↔ Европа; укрепление статуса арбитра на Кавказе и в Каспии; снижение санкционных рисков	нерешенные конфликты Азербайджан-Армения; конкуренция с TRACECA и TANAP/TAP; усиление позиций Турции	РФ, Азербайджан, Армения, Иран, Турция, Индия, ЕС
5.	Партнерство/соревнование с Китаем в MENA	совместные вложения в Ираке, Сирии, Саудовской Аравии; сочетание китайского капитала и российской безопасности; вытеснение США из контрактов СЭР	растущее «мягкое давление» Пекина; риск роли «младшего партнера»; борьба за рынки газа	РФ, КНР, США, страны GCC
6.	Инвестиционный диалог с монархиями Персидского залива	привлечение капитала PIF, Mubadala и др.; совместные СПГ- и НПЗ-проекты; частичное смягчение санкционной изоляции	ценовая нестабильность ОПЕС+; давление Вашингтона; конкуренция внутри GCC	РФ, ОАЭ, Саудовская Аравия, ЛАГ, США
7.	Военно-дипломатическое присутствие на Ближнем Востоке (Сирия, базы Тартус и Латакия)	защита экспортных маршрутов; продвижение ВПК и атомных технологий; укрепление имиджа великой державы	финансовая нагрузка длительных операций; риск столкновения с США; региональная нестабильность	РФ, Сирия, США, Иран, Саудовская Аравия

№ п/п	Стратегический вектор	Возможности для России	Ограничения / риски	Ключевые акторы
8.	Использование политики диверсификации ЕС через турецкий хаб	продажа газа с премией к азиатской цене; сохранение технологического диалога (атомный проект Akkuyu); возможность нишевых СПГ-поставок	ускоренное «зеленое» регулирование ЕС (Fit for 55, REPowerEU); ограниченная пропускная способность турецких маршрутов	РФ, ЕС, Турция

Составлено автором по данным: [5; 8; 30; 1; 26; 15; 13; 17; 23; 22; 18; 27].

Сводная таблица отражает, что энергетическая экспансия России опирается на комбинирование инфраструктурных проектов (турецкий газовый хаб, каспийские и транскавказские коридоры) с многоуровневой партнерской сеткой, охватывающей Иран, Саудовскую Аравию, Китай и государства Персидского залива. Одновременное задействование различных маршрутов и источников капитала способно частично компенсировать сокращение традиционных европейских рынков, открывая доступ к энергопотребителям Ближнего Востока, Южной Азии и Африки. Успех модели будет зависеть от способности Москвы нейтрализовать санкционные и ценовые риски, а также уравновесить конкурирующие региональные интересы, превращая геополитические активы в устойчивые экспортные потоки.

Заключение. Для Российской Федерации ближневосточное энергетическое направление становится неотъемлемой частью стратегии внешнеэкономического присутствия и геополитического позиционирования. Доступ к энергетическим ресурсам региона и участие в их переработке и транспортировке обеспечивают Москве дополнительные инструменты воздействия в системе международных отношений. Акцент на равноправии и отказе от давления при построении партнерств делает российскую модель энергетического сотрудничества привлекательной для стран, стремящихся сохранить автономию в условиях конкуренции глобальных центров силы. Политика, основанная на прагматизме и уважении к суверенитету партнеров, позволяет России выстраивать отношения, способные адаптироваться к быстро меняющейся обстановке в регионе. Энергетическая компонента становится не просто частью внешнеполитической повестки, а фактором формирования устойчивого присутствия в многополярной системе мировой политики. Такое позиционирование особенно важно в эпоху перехода от иерархических моделей взаимодействия к гибким горизонтальным связям.

Долгосрочный успех российской энергетической стратегии в регионе напрямую зависит от способности выстраивать многослойные партнерские форматы, включающие как технологическое сотрудничество, так и координацию экспортной политики. Конкуренция со стороны других акторов, прежде всего США, Китая и региональных держав, требует от Москвы высокой адаптивности

и стратегической избирательности. Отношения с Ираном и Саудовской Аравией, обладающими значительным энергетическим потенциалом и политическим весом, открывают перед Россией возможности для институционализации роли посредника и координатора интересов. Российско-иранская энергетическая ось представляет собой перспективный формат взаимодействия, где обе стороны могут синхронизировать усилия по укреплению региональной стабильности и повышению своей доли в глобальном энергетическом управлении.

С учетом потенциала, которым располагают обе страны, координация усилий в рамках нефтегазовой дипломатии может существенно изменить баланс сил на энергетической карте мира. При этом устойчивое развитие энергетического сотрудничества в регионе потребует от России способности учитывать многообразие интересов, избегая прямой конфронтации и предлагая востребованные технологические и инфраструктурные решения. Формирующаяся архитектура многополярного энергетического порядка оставляет России пространство для расширения своего участия в ближневосточной энергетике. Степень включенности Москвы в этот процесс будет зависеть от ее способности сочетать политическую гибкость, технологическую компетентность и стратегическую настойчивость.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Аватков В.А.** Отношения Турции и ЕС в сфере энергетики в условиях геополитических вызовов XXI в. / В.А. Аватков, Д.В. Клименко // Актуальные проблемы Европы. 2024. № 1 (121). DOI:10.31249/ape/2024.01.08 // <https://cyberleninka.ru/article/n/otnosheniya-turtsii-i-es-v-sfere-energetiki-v-usloviyah-geopoliticheskikh-vyzovov-hhi-v>.
2. **Аверьянова-Зайцева Д.А.** Курдский фактор в ближневосточной политике Саудовской Аравии в контексте отношений с Ираком и Ираном / Д.А. Аверьянова-Зайцева, М.В. Барави, И.В. Рыжов // Конфликтология / Nota Bene. 2024. № 2. DOI:10.7256/2454-0617.2024.2.70540 // <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=67941691>.
3. **Акаев А.А.** Процесс зарождения нового справедливого многополярного мироустройства и перспективы его становления // Век глобализации. 2023. № 3 (47). DOI:10.30884/vglob/2023.03.01 // <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54756503>.
4. **Баранова Ю.В.** Динамика развития экономического сотрудничества Российской Федерации и Саудовской Аравии // Этносоциум и межнациональная культура. 2023. № 6 (180) // <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54254401>.
5. **Баскаков И.Д.** Энергетическая дипломатия Ирана в нефтегазовой отрасли в субрегионе Персидского залива / И.Д. Баскаков, Д.С. Крылов // Геоэкономика энергетики. 2023. Т. 22. № 2. DOI:10.48137/26870703_2023_22_2_40 // <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54142960>.
6. **Белоглазов А.В.** Израиль и Иран в региональном комплексе безопасности Ближнего Востока в XXI веке (2011-2020 гг.) / А.В. Белоглазов, Е.А. Москвичева

- // Международные отношения и общество. 2022. Т. 4. № 1 // <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49532492>.
7. **Борзова А.Ю.** Проблема взаимодействия Турции и России в новых политических реалиях в исследованиях Немецкого института международных отношений и безопасности (SWP) / А.Ю. Борзова, Е.М. Савичева, Л.Т. Кулумбегова // Постсоветские исследования. 2022. Т. 5 № 8 // <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49955046>.
 8. **Бребдани А.М.** Китай на Ближнем Востоке: стратегические приоритеты и особенности / А.М. Бребдани, М.И. Нахро // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16. № 1. DOI:10.22363/2312-8127-2024-16-1-28-40 // <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=GHYUJA>.
 9. **Бушуева А.С.** Японо-иранские отношения в послевоенный период: «ближневосточная дилемма» для Японии // Японские исследования. 2022. № 4. DOI:10.55105/2500-2872-2022-4-6-19 // <https://elibrary.ru/item.asp?id=50031949>.
 10. **Гулиев О.Э.** Многовекторная внешняя политика Турции в контексте ближневосточных политических процессов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 1 (70). DOI:10.54398/1818-510X_2022_1_118 // <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48156772>.
 11. **Карамид Д.** Стратегическая роль Ирана для ШОС: укрепление евразийской интеграции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23. № 3. DOI:10.22363/2313-0660-2023-23-3-547-561 // <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54666294>.
 12. **Карасова Т.** Региональная политика Израиля и иранская проблема // Свободная мысль. 2022. № 4 (1694) // <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49981251>.
 13. **Каримов Ш.И.** Политические возможности и риски открытия Зангезурского коридора, его роль в повышении транспортной связанности на Южном Кавказе // Общество: политика, экономика, право. 2024. № 4 (129). DOI:10.24158/per.2024.4.6 // <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=65595883>.
 14. **Крылов Д.С.** Влияние энергетического фактора на инклюзивную архитектуру безопасности на Ближнем Востоке // Геоэкономика энергетики. 2022. Т. 19. № 3. DOI:10.48137/26870703_2022_19_3_67 // <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49600405>.
 15. **Крылов Д.С.** Наступательная и оборонительная модели внешнеполитического курса США на Ближнем Востоке // Международные отношения. 2022. № 3. DOI:10.7256/2454-0641.2022.3.38757 // <https://elibrary.ru/item.asp?id=49516566>.
 16. **Мамедов Р.Ш.** Восточное Средиземноморье и сирийский вопрос во внешнеполитических приоритетах России и США // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24. № 1. DOI:10.18500/1819-4907-2024-24-1-88-97 // <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=65310523>.

17. **Маркаров А.А.** Транспортная геополитика на Южном Кавказе в условиях вызовов разблокирования коммуникаций / А.А. Маркаров, В.С. Давтян // Геоэкономика энергетики. 2022. Т. 20. № 4. DOI:10.48137/26870703_2022_20_4_56 // <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50214644>.
18. **Матвеев И.А.** О факторах роста интереса арабских стран к евразийскому геополитическому пространству // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № S1. DOI:10.55959/MSU2070-1381-104(S)-2024-49-61 // <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=69156285>.
19. **Мухаммад Н.И.М.** Влияние США на российско-иракские отношения // Казачество. 2023. № 70 (5) // <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=58734852>.
20. **Обичкина Е.О.** Объяснение России: взгляд из несостоявшегося будущего // Современная Европа. 2022. № 3 (110). DOI:10.31857/S0201708322030147 // <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48591866>.
21. **Пархалина Т.Г.** Настоящее и будущее Европы: вызовы и перспективы. Обзор конференции // Россия и современный мир. 2023. № 4 (121). DOI:10.31249/rsm/2023.04.14 // <https://cyberleninka.ru/article/n/nastoyaschee-i-budushee-evropy-vyzovy-i-perspektivy-obzor-konferentsii>.
22. **Полончук Р.А.** Военно-политическое присутствие КНР на Ближнем Востоке // Этносоциум и межнациональная культура. 2023. № 10 (184) // <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=58905531>.
23. **Притчин С.А.** Место Центральной Азии и Каспийского региона в энергетической и транспортной стратегии Турции // Геоэкономика энергетики. 2022. Т. 19. № 3. DOI:10.48137/26870703_2022_19_3_21 // <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49600402>.
24. **Рамадн А.** Внешняя политика и приоритеты безопасности Греции в Средиземноморье // Вестник Поволжского института управления. 2023. Т. 23. № 2. DOI:10.22394/1682-2358-2023-2-23-39 // <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=52499143>.
25. **Савичева Е.М.** Китай и страны Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива: от экономических сделок к стратегическому партнерству / Е.М. Савичева, А.М. Бребдани, И.В. Рыжов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22. № 1. DOI:10.22363/2313-0660-2022-22-1-180-196 // <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48281871>.
26. **Сейдерфан Л.** Оценка стратегического партнерства России и Ирана в контексте системы региональной безопасности Ближнего Востока // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 8 // <https://elibrary.ru/item.asp?id=69166711>.
27. **Сюй Ч.** От «Возвращения на Ближний Восток» до «Восстановления баланса на Ближнем Востоке» – обзор политики России на Ближнем Востоке / Ч. Сюй, С.С. Маккавеева // Казачество. 2022. № 60 (3) // <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49296220>.
28. **Тихомирова К.С.** Тенденции развития энергетической политики ЕС на современном этапе / К.С. Тихомирова, В.М. Ручина // Мировая политика. 2024. № 2. DOI:10.25136/2409-8671.2024.2.70937 // <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=67915068>.

29. **Хлопов О.А.** Углеводородные ресурсы Среди факторов возникновения кризиса и гражданской войны в Сирии // Вестник Московского государственного областного университета. 2022. № 1. DOI:10.18384/2224-0209-2022-1-1109 // <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48268555>.
30. **Эбрахимиторкаман А.** Российско-иранские отношения в энергетической сфере (вызовы и возможности в XXI в.) // Россия и современный мир. 2022. № 1 (114). DOI:10.31249/rsm/2022.01.07 // <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiysko-iranskije-otnosheniya-v-energeticheskoy-sfere-vyzovy-i-vozmozhnosti-v-xxi-v>.

К.А. LARIONOVA

Postgraduate of the Diplomatic Academy
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;
JSC Rosatom Energy Projects, Project coordinator,
Moscow, Russia
SPIN-код 7435-7115
ORCID ID 0009-0003-5614-8215

SCIENTIFIC SUPERVISOR: R.N. SHANGARAYEV

Doctor of Political Science, Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor, Associate Professor of the Department of Strategic
Communications and Public Administration, Diplomatic Academy
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;
Editor-in-Chief of the journal «Bulletin of
International Scholars,»
Moscow, Russia

PROSPECTS FOR EXPANDING RUSSIA'S INFLUENCE IN THE MIDDLE EASTERN ENERGY SECTOR

Amid the transformation of the global energy architecture, the Middle East emerges as a critical nexus of intersecting interests among global and regional powers. In this context of escalating competition for hydrocarbon access, the Russian Federation aims to implement an energy diplomacy strategy focused on technological cooperation, logistical integration, and political flexibility. The effective utilization of Russia's industrial and scientific capacities, combined with strategic partnerships with key states such as Iran and Saudi Arabia, strengthens Moscow's standing in the region's energy landscape. This study analyzes multilayered cooperation mechanisms, including Russia's involvement in OPEC+, the development of transit corridors, and the creation of energy consortia. Special emphasis is placed on challenges such as sanctions, rivalry with the United States and China, and the institutional need to adapt to the rapidly shifting regional environment. Russia's sustained presence in Middle Eastern energy affairs is considered a crucial pillar of its long-term external economic policy.

Key words: energy diplomacy, Middle East, Russia, energy security, geopolitics, Iran, OPEC+.